

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА (В. АСТАФЬЕВ «ЗАБУБЕННАЯ ГОЛОВУШКА»)

В статье рассматривается концептуальная структура текста. Концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает элементы композиции, находящиеся в сильных позициях текста (заголовков, рематическая позиция, позиция повтора и т. д.). Целью статьи является интерпретация текстового содержания заголовочного концепта *забубенная головушка* (рассматривается собственно лингвистическое воплощение концепта) и определение концептуальной формы. Средством выявления концептуального содержания служит семно-семемный анализ лексико-семантического поля с доминантой *забубенная головушка* и анализ мотивационно-прагматических установок автора (речевых тактик и стратегий), определяющих динамику формирования концептуальной структуры текста. В результате проведенного анализа автор статьи приходит к следующим выводам: 1) в основе формирования заголовочного концепта рассматриваемого текста лежит понятие прототипа, в качестве которого выступает образец, характерный пример, частная модель; 2) заголовок – ключ к концептуальной структуре текста; при анализе концептуальной структуры текста целесообразно пользоваться понятиями концепт-минимум (содержание и объем концепта-заглавия на входе, до чтения) и концепт-максимум – на выходе, после чтения.

В качестве основной единицы смысловой структуры текста принято рассматривать **концептуально значимый смысл** [1] («речевой смысл» [2], «актуальный смысл» [2, 3]), то есть такой смысл, который непосредственно соотносится с концепцией (содержанием текста) в целом. Концепция – система представлений, идей, пронизанная личностным началом, субъективным видением мира, следовательно, это фрагмент языковой картины мира личности, фрагмент ее концептосферы (совокупности концептов). Экспликацией в языке концептуальной картины мира является слово-концепт. К числу основных точек зрения на концепт и направления концептуального анализа относятся логическая, культурологическая, психолингвистическая точки зрения [4–14]. Мы рассматриваем собственно лингвистическое воплощение концепта [15, 16]. Как указывает Ф.Ф. Фархутдинова, «концепт – это структурно и образно организованное инвариантно-вариативное знание определенного социума (отдельной языковой личности) о каком-либо явлении духовной или материальной культуры, реализующееся в системе разноуровневых и разнопорядковых языковых знаков, связанных между собой парадигматически, синтагматически и/или ассоциативно» [17, с. 11]. С точки зрения языка, концепт – инвариант языковых форм выражения понятия, имеет полевую структуру, значение концепта включает в себя семантику лексических единиц, принадлежащих к определенному лексико-семантическому полю (ЛСП) (в этом случае инвариантность предполагает синхронность).

Под концептуальным анализом мы понимаем анализ, объектом которого является концепт. К числу методик концептуального анализа относятся

словарные толкования языковых единиц, толкование их речевых контекстов (семно-семемный, или компонентный, анализ); интерпретация схем, фреймов, сценариев, образов, символов как концептуальных форм (стратегий и тактик их создания и декодирования); интерпретация ассоциативного пространства; сравнение содержания концептов в тезаурусе разных языковых личностей, в разных культурах; сравнение ядерного (национального) и индивидуального содержания концепта в тезаурусе отдельной языковой личности; исследование ценностных (модальных) коннотаций и мотивационно-прагматических установок. Особого внимания на начальном этапе анализа текстовых концептуальных структур, ассоциированных с каким-либо словом [18, с. 27], требуют текстовые лексико-грамматические группы, разворачивающиеся вокруг имени концепта как центра субъективного «конденсата смысла» [19, с. 96] и дающие возможность восстановить некоторый «узел» в тезаурусе личности и соответствующий ему фрагмент индивидуальной картины мира. Однако авторский концепт как таковой стоит за целым произведением: «определенная концепция мира может *скрываться, угадываться* и за афоризмом, но она в нем *не явлена, не выражена*; для того чтобы представить эту концепцию в явной форме, необходим текст» [1, с. 74]. Текст презентует как отдельный концепт, так и концептосферу языковой личности.

Концептуальная структура текста в ее тезаурусном представлении включает лишь элементы композиции, находящиеся в сильной позиции, выделяющиеся на фоне ментального пространства текста (рематическая позиция, позиция повтора и др.). Нередко сильные позиции являются одновре-

менно автосемантическими, и так же, как автосемантические отрезки, они тяготеют к началу и концу текста. По существу можно назвать только один текстовый знак, который присущ всем текстам и всегда занимает в них одно и то же место, образуя сильную позицию, **заголовок** [20, с. 59]. Начало текста и заголовок – точка отсчета понятийного цикла и потому предмет особого внимания, **ключ к концептуальной структуре произведения.**

А. Вежбицкая вводит термины **концепт-минимум** и **концепт-максимум**. **Концепт-минимум** – это неполное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка. **Концепт-максимум** – это полное владение смыслом слова, свойственное рядовому носителю языка. Если перенести это на концепт-заголовок, то концепт-минимум – это содержание и объем концепта-заглавия на входе (до чтения), концепт-максимум – на выходе (после чтения). «Концепт – исходная точка семантического наполнения слова (з а г л а в и я – Т.Р.) и одновременно – конечный предел развития» [10, с. 34]. Название – компрессия концептуального смысла текста, оно определяет стратегию текста, тактикой, раскручивающей, как пружина, данный концепт является модально-оценочная семантика.

Представим фрагмент анализа концептуальной структуры текста на примере одной из последних глав книги В. Астафьева «Последний поклон» – «Забубенная головушка» [21].

Заголовочный модально-оценочный концепт представляет собой метонимическую метафору. Метонимические обозначения человека названиями частей тела («... совсем ошалевши от всего, **свалившегося на мою голову** [= на меня] с **закрашенными сединами...**» – В. Войнович; **Он – голова** [= умный]; **Уйти с головой**; **Сложить голову**; **С больной головы на здоровую** и т. д.) и связанные с ними коннотации представляют известный интерес для выяснения национальной специфики образа человека [22, с. 43]. В русской культурной традиции с **головой** ассоциируется ряд значений и коннотаций, располагающихся между двумя полюсами. Один из них – положительный: **Голова!** (оценка ума, сообразительности); ФЕ **Сам себе голова**; **Свежая голова**; **Светлая...**; **Удалая...**; **Умная...**; «**масла**» в его **голове** **хватит** любой документ **обмозговать**; для укрепления **коры мозга** (В. Астафьев). Отрицательная коннотация связывает с головой отнюдь не мыслительную функцию и даже не руководящую роль, а образ стихийно-неразум-

ного человека, необязательного, безответственного, поведение которого объясняет часто и влиянием винных возлияний: **потерять голову**, **бедовая голова**, **дырявая голова**, **еловая...**, **садовая...**, **шаленая...**, **победная головушка** [22, с. 43]; «**и в головах мусор**» (В. Астафьев).

Толкование ФЕ **Забубенная головушка (голова)** дадим по «Словарю русской фразеологии» А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой [23].

Прост. неодобр. О бесшабашном, разгульном, отчаянном человеке.

1. Значение оборота связано с сущ. *бубен...* Прил. *забубенный*, возникшее, вероятно, на базе словосочетаний *взяться за бубен*, *приняться за бубен*, могло первоначально означать «проводящий время за бубном; взявшийся за бубен, чтобы веселиться». Позже слово приобрело значение «разгульный, беззаботный, буйный». Им стали обозначать признаки предметов и явлений, имеющих отношение к застолью...

Присоединение к слову *голова* в значении «человек как носитель каких-л. качеств» прил. *забубенный* «бесшабашный, отчаянный, удалой, разгульный», «пропащий, негодный, дурной» и обусловлено появлением оборота *забубенная головушка (голова)*...

2. Слово *забубенный* связано с деятельностью древних русских актеров-скоморохов, которые пели под бубен песни и разыгрывали сценки сатирического характера, направленные против бояр и церкви. Этих отчаянных людей и могли называть *забубенная головушка*. Позднее это выражение могло ассоциироваться с картежниками (на старинных русских игральных картах были не ромбы, а *бубенчики*, т. е. бубновая масть), а со второй половины XIX века – с каторжниками, у которых были красные или желтые ромбы на спине...

3. Значение оборота выводится на основе связи прил. *забубенный* и сущ. *забубены* – забобоны «вздор» (ср. диал. бобыч «бестолковый человек», с.-х. бобонити «тупеть»). Предполагается при этом, что изменение значения произошло под влиянием названия метки на одежде арестанта – «бубнового туза»...

В тексте концепт-название связан своими составляющими со всеми приводимыми в словаре версиями происхождения фразеологизма *забубенная головушка*. См. текст:

Папа от рождения был артистом и, пройдя такой массовый тюремный театр, вовсе перестал

ощущать жизнь «в натуре», **заигрывался** порой до **умопомрачения**, и все ведь со смыслом, все, как ему казалось, кому-то потрафляя... (21, с. 48).

Удивил папа и Ярцево, большое село, – **покуролесил** вдосталь, денежки все **прокутил**, подарки отчего-то не вручил, **потерял** или **пропил** – кто знает, **обманул** сына, сказав, что на обратную дорогу «тот деляга» – это, значит, я – денег не дал. «Откуль ему набратся на всех на нас денег-то, ты уж давай подзайми или как». Тогда же, вдруг вспомнив про дочь Галю, собрался было двинуть в любимое Заполярье, в Игарку, но уже от долгого оглушительного **пьянства** заалел папа, обострился его вечный спутник – псориаз. (21, с. 49).

Годы минули, **жизнь** папина **прокатилась** по земле, он ее почти и **не заметил**. Сидит вон в гудящем самолете, клюет носом с тяжкого похмелья и не до конца понимает, куда опять, зачем влечет его **бурная судьба**, да и **понимать не хочет**, **не приучен он отвечать за себя и за кого-либо**.

... **Не крестясь, не прочтя ни одной молитвы**, навсегда простился с близким человеком. До **самой смерти он оставался неприкаянным безбожником, да и молитвы он давно все позабыл**. (21, с. 59).

Но был он **непобедимый жизнелюб**; измазав пяток баночек вазелина на кожу, **отмякал, отходил**, не пил какое-то время – **болезнь, струпами сходя с кожи, отступала**, и он **забывал о недавно перенесенных страданиях**. Папа снова начинал **глядеть вдаль, за реку, и придумывать, как ему смыться из дому, чего еще продать, променять на выпивку. Желания и страсти всегда были выше его воли, беспокойность, егозливість характера губили его жизнь. И кабы только его!** (21, с. 51).

... – Не надо мне никакой операции, – оставшись со мной наедине, провел «**мужицкий разговор**» папа. – **Наступил конец моему пределу**. – Подышал, отвернулся к стене и как бы сам себе молвил: – **Хватит с меня хворей, больницы, тюрьмы, лагеря, скитаний...**

Без сознания он был совсем недолго и умер в сне от распространенного ныне среди пьющих наших мужиков недуга – **цирроза печени. Легко жил человек. Нетрудно в отличие от других моих родичей ушел в мир иной**. (21, с. 61).

ЛСП с доминантой **забубенная головушка** включает в себя следующие компоненты. Сино-

нимический ряд слов, обозначающий главу семьи (**отец, родитель, тятя, папа, дед**); тематическую группу слов с предметным значением «театр» (**театр, артист, «заигрывался, до умопомрачения», безбожник** имплицитно «нехристь», грешник, обманщик, «мог обмануть самую надувательскую систему, даже самого Сталина надуть»); носит плохую одежду, «чтобы всем было видно, как бедному-пребедному старику живет»; ЛСП глаголов «бесшабашных», разгульных действий (**заигрывался, покуролесил, потерял, пропил, обманул, не заметил (жизнь прокатилась), понимать не хочет, не приучен отвечать (за себя и за кого-либо), (молитвы) позабыл**); оценочный ряд контекстуальных синонимов (**непобедимый жизнелюб; забывал о недавно перенесенных страданиях; желания и страсти всегда были выше его воли; беспокойность, егозливість характера; неприкаянный безбожник; легко жил человек; бурная судьба**) «куролесил раздольной жизнью» (жизнь не за решеткой), ср. жарг. «бубенить» – куролесить, шуметь, кричать»; **горькая головушка, забубенная головушка, «в голову ранен на войне**»; тематическую группу «беды» (**хвори, 'заалеть' – красный цвет «бубны», пьянство, псориаз, больницы, тюрьмы, лагеря, скитания, шатучая земля, взбаламученный мир** – (20, с. 62)). Авторская оценка, присутствующая в структуре концепта, бинарна. Во-первых, это сожаление, сочувствие (**губили его жизнь; и кабы только его!**), что связано и с родством (глава об отце), и с судьбой персонажа (см. тематическую группу «беды»), во-вторых, отрицательная оценка, укор, упрек (**понимать не хочет, не приучен он отвечать за себя и за кого-либо; До самой смерти он оставался неприкаянным безбожником, да и молитвы он давно все позабыл; Легко жил человек; Времени и сердца на нас, детей твоих, у тебя не хватало** (21, с. 62)). Но к данным оценкам присоединяется еще ряд оценок: **миленький, пылкий, моложавый, добрый молодец, новоявленное чудо, редкостный дед, маленький, ветреный, больной, пьяненький, болтливый, срамной на слово, мужичонка, чудо, большой выпивоха**. Таким образом, рассматриваемый концепт в предметно-логическом и модально-оценочном содержании в данном тексте полифоничен. Категоризация объекта описания связана не столько с определением его границ, сколько с выбором одного слова из целого ряда возможных для его обозначения. Так, концептуален выбор слова

головушка (в сравнении с «голова»), суффикс ушк – оценочный, выражающий жалость и любовь.

Любил ли я этого человека? Наверно, любил. Больше-то ведь некого было любить. Может, это и не любовь, а тот зов крови, о котором мы говорим мимоходом, как о чем-то малозначащем, пустяковом. Нет, это не пустяк. Это болезненная привязанность, счастливую горечь которой ныне дано испытать уже далеко не всем. Когда я вижу, как девчушка или парнишка толкуются возле грязной пивнушки, плача, вытягивают из канавы упившегося до бесчувствия отца, а он еще и куражится, ругает, толкает ребенка, это ж ведь то же самое, пусть и по другому поводу сказанное: мне б надо вас возненавидеть, а я, безумец, вас люблю...

Ну ладно бы я, хоть и отщепенец, но все же жила с отцом, маленьким ласку от него отцовскую знал, пусть натерпелся и настрадался от него и вместе с ним, но братья мои, сестры, от мачехи рожденные, они-то, почти отца не видевшие, с ломаными-переломаными судьбами, они-то что ж по нему тосковали? И взывали ко мне, старшему брату: «Да привези ты его, привези! Охота папку увидеть...»

И я решил.

Должен заметить, слово «решился» вставил я в строку не случайно. Как и в прежние годы, папе было трудно управляться с собой, а мне и всем его знающим с ним... (21, с. 46).

Здесь слово любовь употреблено в значении «отношение», имеет следующее концептуальное содержание: «зов крови, болезненная привязанность, счастливая горечь (оксюморон), дано испытать не всем, возненавидеть, безумец, люблю, пожалей (жалость), всевечная любовь» (см. ниже 21, с. 62) – и связана с речевым актом (РА) прощания (см. 21, с. 62) (не судья им, и не указчик, и не идейный наставитель; родителей не выбирают; судьба, природа и Создатель подарили мне моих родителей; Пусть покойно будет хотя бы на том свете) [РА пожелания – косвенно прощания], благодарности (родители подарили мне мою жизнь), волеизъявления (узнай их, полюби и пожалей), а также с концептом вины (глава из книги «Последний поклон» – запоздалое чувство благодарности и вины перед теми, кого любил, с кем связано детство).

Говорят, и в последнее время довольно часто, что родину не выбирают. От себя добавлю: родителей тоже. Да и детей не выбирают, они на

свет являются сами.. Готовых угланов только в род- и детдомах отсортировывают и выбирают, точно овощ или фрукт на базаре, но все остальные со дня мирсотворения живут по велению судьбы и природы.

Она, природа, и Создатель подарили мне моих родителей, родители подарили мне мою жизнь; отечество родное – судьбу мою сотворило. Не судья я им, и не указчик, и не идейный наставитель. Лишь вздохну, помолюсь и молча вымолвлю: «Пусть тебе, папа, покойно будет хотя бы на том свете. Блатные, помнится, пели в твоё время: «Выпьём, хлопцы, выпьём тут, на том свете не дадут!..»

Трезвый же ты непременно угладишь своим зорким охотничьим взглядом среди несметной молчаливой толпы молодую рослую женщину с одной косой – другую у нее оторвало сплавной боной, когда она плыла к тебе в тюрьму с передачей. Ступая босыми ногами по облакам, она, я думаю, непременно пойдет навстречу тебе, ведя за руку маленьких ангелочков – узнай их, это жена твоя из дальнего далека вместе с детьми и внуками твоими, покинувшими сей свет раньше тебя, спешат соединиться с тобою на блаженном небесном покое. Полюби же и пожалей их всевечной любовью, коли здесь, на шатучей земле, во взбаламученном мире, времени и сердца на нас, детей твоих, у тебя не хватило. (21, с. 62).

Голова как средоточие рационального начала в человеке соотносится в языковой картине мира с сердцем как вместительницей эмоций и чувств. Они могут действовать несогласованно (Ум с сердцем не в ладу), могут противопоставлять друг другу (Ума нет, а сердце есть), но в русском языковом менталитете сердце важнее головы: «... сердца на нас, на детей твоих, у тебя не хватило» («есть сердце», «хватает сердца» – способность любить, жалеть, заботиться и т. д.); «нет сердца», «не хватает сердца» – отрицательная характеристика.

В заключение можно сказать, что в основе формирования концепта «Забубенная головушка» в данном тексте лежит понятие прототипа, в качестве которого выступает образец, характерный пример, частная модель. Заглавный концепт «Забубенная головушка» на входе (концепт-минимум) организует структуру текста с концептуальным центром «человек» и следующим синтагматическим распространением: бесшабашный, отчаянный,

разгульный, пропаций. На выходе (концепт-максимум) он прирастает видовыми семами: *артист, безбожник, безответственный, жизнелюб, винюватый, много переживший*; модально-оценочны-

ми семами: *сочувствие, любовь, благодарность, укор, упрек, чувство вины*. Родовое понятие, выраженное ФЕ *забубенная головушка*, конкретизируется понятием *отец*.

Список использованной литературы:

1. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). СПб., 1999.
2. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
3. Долинин К.А. Интерпретация текста: (Фр. яз.) Учебное пособие для студентов. М., 1985.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
5. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993.
6. Weirzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.
7. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология // Язык и наука конца 20-го века: Сб. статей. М., 1995. С.74-117.
8. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория, прототип) // НТИ, сер.2. Информационные процессы и системы, 1992. №3, С.1-9.
9. Краткий словарь когнитивных терминов. Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
10. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПб ГУ. Серия 2. Вып.3 (№16), 1992. С.30-40.
11. Стернин И.А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта // Когнитивная семантика: Материалы Второй Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сент. 2000 г. /Отв. ред. Н.Н. Болдырев. В 2 ч. Ч.2. Тамбов. Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С.13-17.
12. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно // Вестник Московского университета. Сер. 9 (Филология), 1998. №1. С. 53-71.
13. Брудный А.А., Шакуров Э.Д. Мир общения. Фрунзе, 1977.
14. Романова Т.В. О содержании понятия *концепт текста* // Функциональная лингвистика. Язык. Культура. Общество. Материалы конференции. Ялта, 9-14 октября 2000 г. Симферополь, CLC, 2000. С. 296-300.
15. Сергеева Е.В. Проблема интерпретации термина «концепт» в современной лингвистике // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX-го в. СПб., 1998. С. 126-129.
16. Лукин В.А. Концепт истины и слово истина в русском языке. (Опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке) // Вопросы языкознания, 1993. №4. С.63-86.
17. Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова: Опыт лингвокультурологического анализа русскости. Иваново, 2000.
18. Шенк Р. Обработка концептуальной информации. М., 1980.
19. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
20. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учебник для филологических специальностей вузов. М., 1999.
21. Астафьев В. Забубенная головушка. Из книги «Последний поклон» // Новый мир, 1992. №2. С.44-63.
22. Арутюнова Н.Д. Человек и «фигура» (анализ понятий) // Филологический сб. (К 100-летию со дня рожд. ак. В.В. Виноградова). М., 1995. С. 34-46.
23. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.